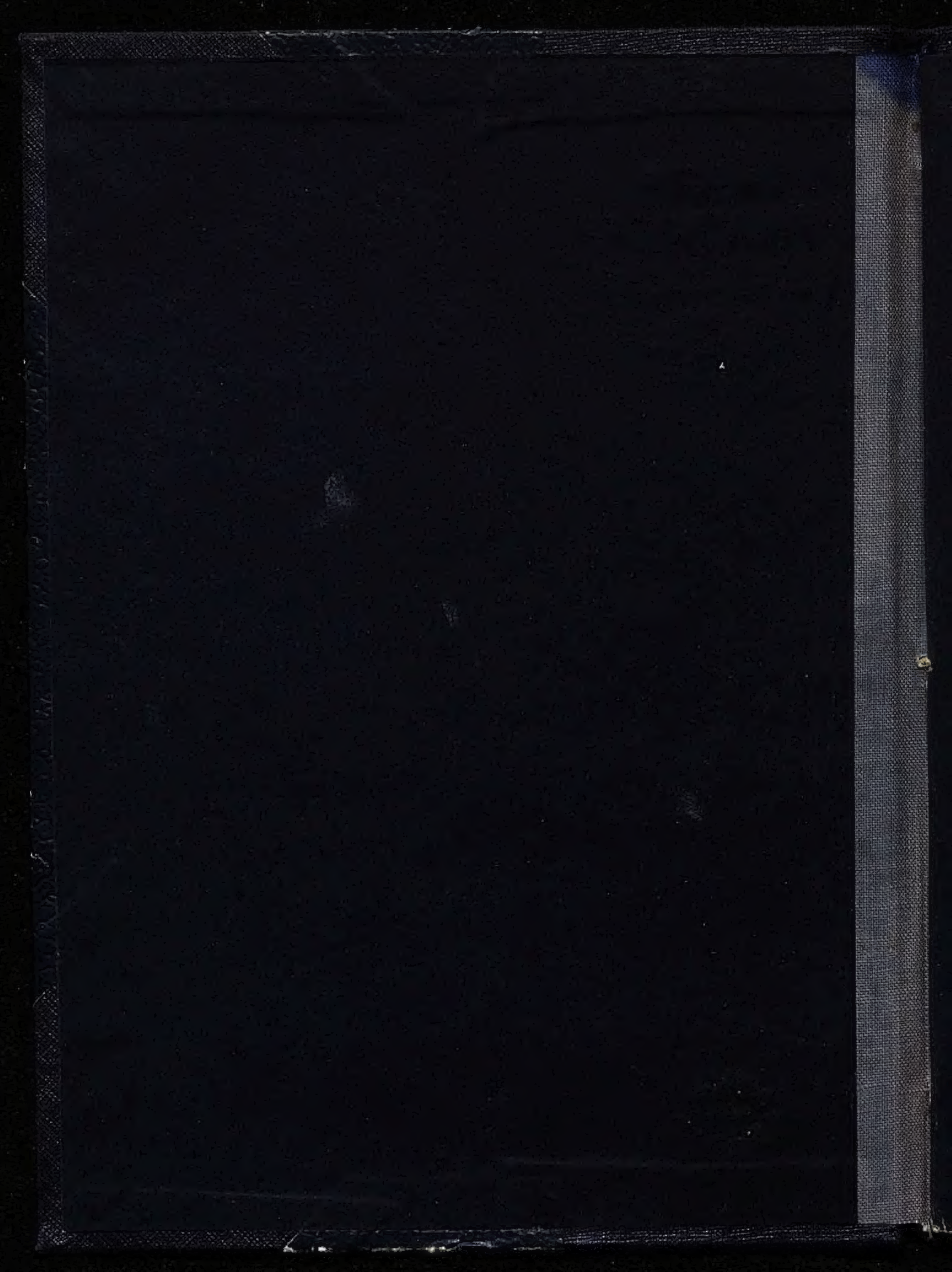
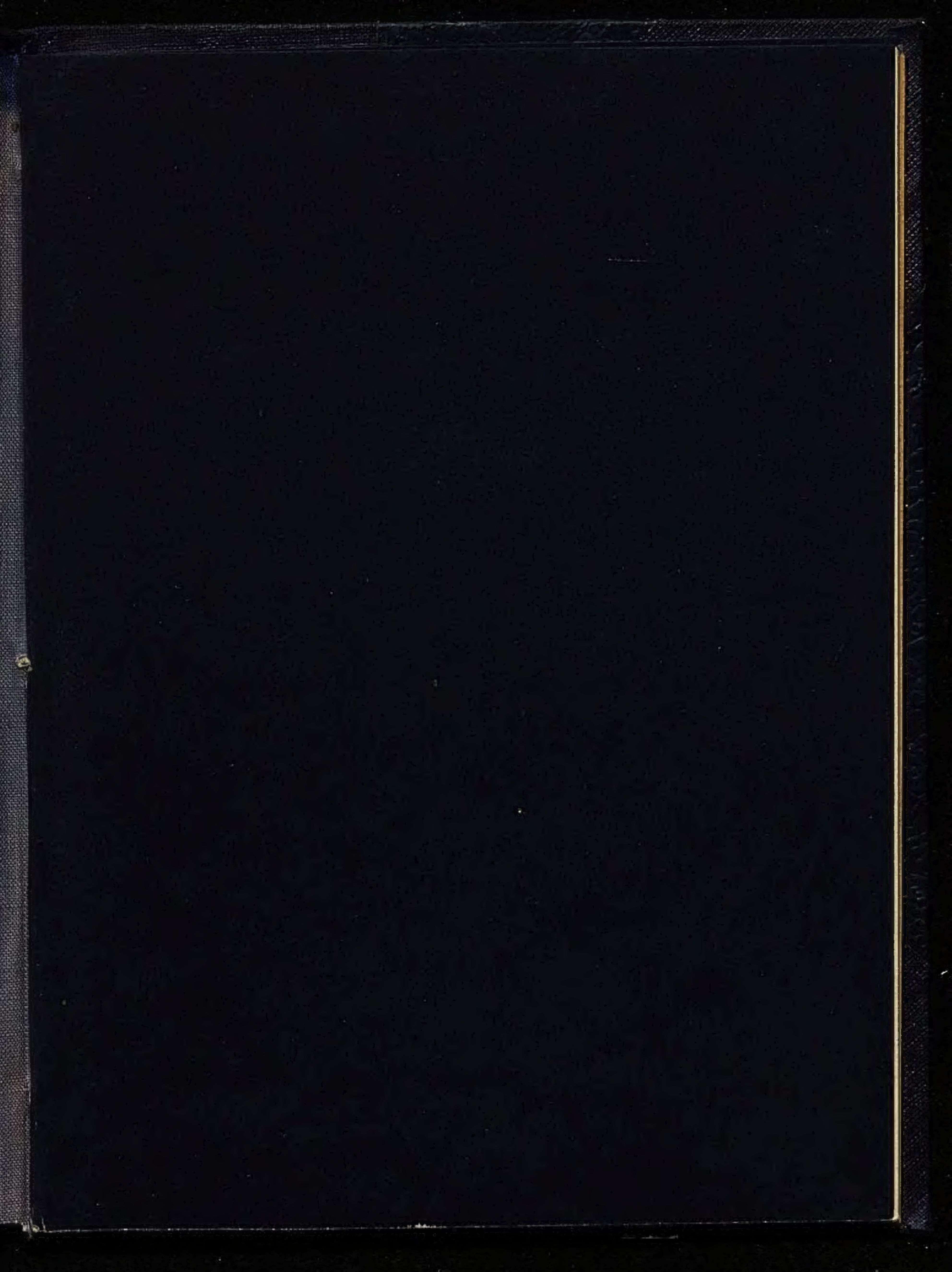
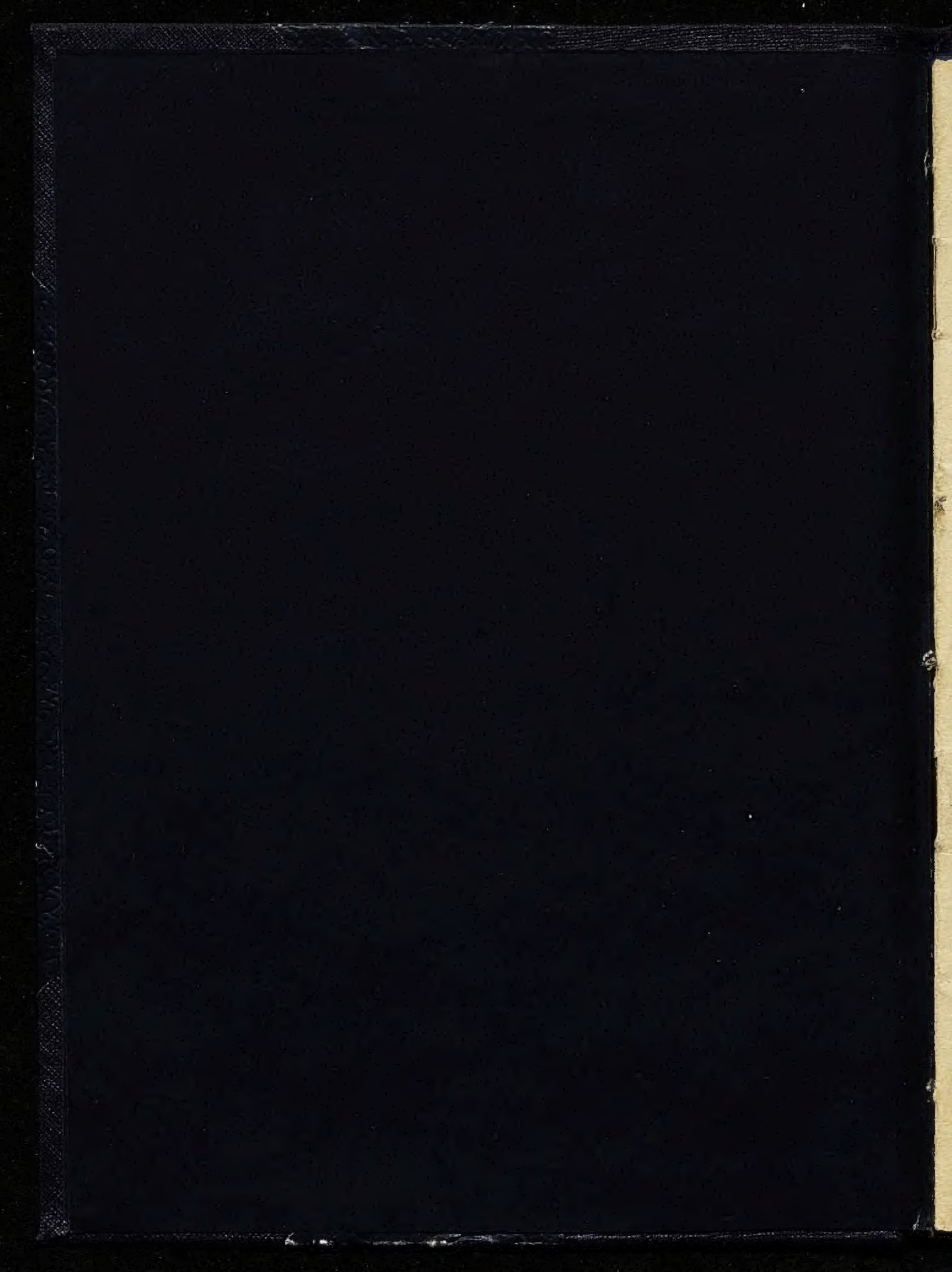
Бочаров
Февральская
РЕВОЛЮЦИЯ
1917 г.

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦ. ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

1927 г. К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ПАДЕНИЯ ЦАРИЗМА № 1

Ю. М. БОЧАРОВ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1927

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦ. ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА"

1927 г. № 1

Ю. М. БОЧАРОВ

Февральская революция 1917 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1927

СОДЕРЖАНИЕ:

Главлит № 79.202 Москва Тираж 7.000 экз.

Книжная Фабрика Центриздата Народов СССР. Шлюзовая набережная, 162

I. Империалистическая война разрушает народное хозяйство России.

> «... если первая великая революция 1905 года... через двенадцать лет привела к «блестящей», «славной революции» 1917 г..., то необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой стороны—породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные... Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистская война».
>
> Ленин. «Первый этап первой революции».

Мировая империалистическая война, начавшаяся летом 1914 года, вызвала расстройство хозяйственной жизни во всех воюющих странах. Резче всего оно проявилось в России. Ведение войны требовало громадного напряжения сил, приспособления всех отраслей народного хозяйства к нуждам военного времени. Царская Россия оказалась подготовленной к этому менее других капиталистических держав. Неудивительно, что разрушительное влияние войны вскоре же после ее начала дало знать о себе в хозяйственной жизни страны.

Русская промышленность быстро испытала на себе, что значат военные действия, затягивающиеся на долгое время. Расчеты руководителей военного ведомства, еще в начале 1914 г. считавших, что страна вполне подготовлена к войне, были вскоре же опрокинуты военной

действительностью. Перед ними встала забота о своевременном обеспечении многомиллионной армии всеми видами снаряжения и довольствия. Грандиозные бои ставили перед верховным командованием задачу непрерывного снабжения армии боевыми припасами в том количестве, какого требовал размах военных действий. Этот размах был невиданным в истории. Так, например, в 1915 г. в майских боях на Дунайце германской артиллерией было выпущено против нашей третьей армии за четыре часа 700 тысяч снарядов,—всего лишь на 117 тысяч меньше, чем было израсходовано ею за все время франко-прусской войны 1870—71 г.г. Заготовленного запаса оружия, снарядов, патронов нехватало, и пополнение его делалось на время войны главнейшей задачей русской промышленности. Вместе с тем необходимо было обеспечить армию и в других отношениях. Пришлось приспособлять производство к потребностям армии.

Характерной чертой военного времени явился, поэтому, рост тех отраслей промышленности, которые обслуживали военные нужды. На их удовлетворение работала металлургическая промышленность. В связи с переходом к химической войне значительно разрослась наша химическая промышленность. По сравнению с мирным временем, например, в 4 раза увеличилось производство азотной кислоты. Разрослась кожевенная промышленность, на армию работала промышленность льняная, предприятия шерстяной промышленности перешли на выработку сукон казенного образца (в то время как остальные предприятия той же отрасли промышленности сократили свое производство). Мануфактурная промышленность отдавала на нужды армии 40% своей продукции. Золотопромышленность, сахарная промышленность также переживали оживление. Во всех этих отраслях производства расширялись старые предприятия, создавались новые. Зато отрасли промышленности, не связанные с войной,—шелковая, стекольная, бумажная, цементная, деревообделочная, полиграфическая—

сокращались. В общем, по сравнению с 1913 г., количество промышленных предприятий к концу 1916 г. сократилось на 30,2%. Все это по сравнению с мирным временем давало совершенно иную картину состояния промышленности, придавало ей иной характер.

Развитие военной промышленности встречало, однако, сильные затруднения: нехватало, с одной стороны, топлива, с другой, сырья. Прежде всего обнаружился недостаток в угле. С момента начала войны прекратился ввоз заграничного угля и кокса. Вскоре в руках наступавших неприятельских армий оказался расположенный на нашей западной окраине мощный Домбровский угольный район, которой в 1913 г. дал 426 миллионов пудов угля, т.-е. несколько меньше 1/5 всего добывавшегося в России угля. Главным поставщиком угля остался Донецкий бассейн. Однако, в связи с сокращением здесь числа рабочих, добыча угля упала. Из ежегодной добычи каменного угля значительную часть (больше, чем прежде) брали для своих нужд железные дороги. В 1913—14 г.г. для нужд железных дорог из Донецкого бассейна было вывезено минерального топлива 342 милл. пудов, в 1914—15 г. г. это количество увеличилось до 479 милл. пудов. Из заводов уголь в первую очередь получали предприятия, работавшие «на оборону». Поэтому испытываемый промышленностью угольный голод главной своей тяжестью ложился на предприятия, обслуживавшие потребности гражданского населения. Недостаток в угле заставил промышленность, начиная с 1915 года, переходить на нефть. Поступление нефти на рынок стало больше, благодаря прекращению вывоза за границу.

Остро давал себя знать нашей промышленности недостаток сырья. Так, сбор хлопка, достигавший в 1914 г. 22 милл. пудов, в 1915 г. упал до 21,7 мил. пудов, а в 1916 г. выразился в 16 милл. пудов. Еще более резким является падение сбора льна. В 1914 г. было собрано 26 милл. пудов льна, в 1915 г. — 22,6 милл. пудов, в 1916 г. — 14,7 милл. пудов.

Падение количества добываемого сырья приводило к тому, что уменьшались размеры производства. Так, напр., выплавка чугуна в 1913 г. составляла 96,9% довоенной нормы, в 1915 г.—87,5%, в 1916 г.—90,1%; производство железа и стали (готовых), повысившись несколько в 1914 г., в 1915 г. упало до 90,9% довоенного производства, а в 1916 г. составляло 93,8%.

Недостаток испытывала русская промышленность в орудиях производства. Ввоз оборудования для фабрик и заводов прекратился. Наличное оборудование изнашивалось до последней степени. По пяти промышленным районам количество вагранок в 1912 г. равнялось 274.000, в 1916 г. оно составляло 243.000. Сокращение оборудования знаменовало собою начавшийся процесс разрушения промышленности.

Вместе с ростом военной промышленности росло и количество занятых в ней рабочих. Начало войны сильно ударило по предприятиям, лишив их значительной части рабочей силы: около 40% рабочих было призвано в ряды армии. Но уже со второго полугодия 1915 г. переход промышленности на обслуживание нужд обороны вызывает рост числа рабочих, в особенности в металлообрабатывающей, нефтяной, химической промышленности. Если количество рабочих в предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в 1913 г. принять за 100, то в 1914 году число их будет составлять 84,5%, в 1915 г. — 82,8% и в 1916. — 90,2%. В особенности увеличилось количество рабочих в московском и петроградском районах. В Петроградской губернии за годы войны количество рабочих возросло почти вдвое. Для процесса концентрации промышленности характерно все возраставшее сосредоточение масс пролетариата на немногих гигантских заводах. В 1916 году, например, на Тульском патронном заводе работало 14.000 человек, на заводе Наваль в Николаеве — 14.000 человек, на Брянских заводах — 17.000 человек, на Трубочном заводе (артиллерийского ведомства) в Петрограде—17.000

человек. В Петрограде на 247 предприятиях, имевших менее 100 рабочих и составлявших 44% общего числа петроградских предприятий, работало 10.425 человек, т.-е. 2,8% общего числа петроградских рабочих. В то же время на 78 предприятиях, имевших 1.000 и более рабочих и составлявших 13,9% общего числа петроградских предприятий, было занято 284.671 человек, т.-е. 76,7% общего числа рабочих Петрограда. Уполномоченный по продовольствию Петрограда насчитывал на 12-ти крупных предприятиях, где было занято от 5.000 человек и выше, 124.472 рабочих, что составляло более одной трети всего пролетарского населения города (общее число петроградских рабочих равнялось в это время 371.317 чел.).

В виду ухода квалифицированных рабочих, рост числа фабрично-заводских рабочих происходил, с одной стороны, за счет вовлечения в производство неквалифицированных крестьян и городских слоев мелкой буржуазии, а, с другой стороны, за счет расширения женского и детского труда. В металлообрабатывающей промышлености женщины в 1913 г. составляли 4,5% общего числа рабочих, в 1916 г. — 16,2%, в хлопчато-бумажной в 1913 г. — 50,5%, в 1916 г. — 61%. Женский труд стал применяться даже в тех отраслях промышленности, где в прежнее время был запрещен законом,—было разрешено привлекать женщин для подземных работ в шахтах.

Обслуживание военных нужд русской промышленностью вызвало колоссальный рост прибыли в тех отраслях промышленности, которые работали для войны. Показательны в этом отношении цифры по некоторым отдельным предприятиям. Общество Тульских меднопрокатных и патронных заводов в 1913—14 г. г. исчисляло свою валовую прибыль (за вычетом отчислений на амортизацию имущества) в 2,88 миллиона рублей. То же общество в 1914—15 г. г. получило этой прибыли 8,39 милл. руб., а в 1915—16 г.—15,51 милл. руб., т.-е.

за 2 военных года увеличило свою валовую прибыль более чем в пять раз. Русское паровозо-строительное и механическое общество в 1913—14 г. имело валовой прибыли 0,64 милл. рублей, в 1914—15 г. — 1.05 милл. руб., в 1915—16 г. 2,30 милл. руб., т.-е. увеличило валовую прибыль почти в четыре раза.

Рост военных сверх-прибылей составляет резкую противоположность движению заработной платы рабочих за годы войны. По отраслям промышленности, обслуживающим войну, заработная плата увеличилась. По металлообрабатывающей промышленности средний заработок рабочего составлял: в 1914 году—324 руб. в год, в 1915 г.—445 руб., в 1916 г.—761 руб. На трубочном заводе в Петрограде в 1916 г. мужчина зарабатывал в месяц в среднем 76 р., женщина — 57 р. Наоборот, в тех отраслях промышленности, производство в которых сократилось, заработная плата была ниже и одно время падала. На предприятиях акционерного общества Мальцевских заводов в Орловской губ. средний заработок рабочего в год равнялся: в 1913 г. — 211,31 руб., в 1914 г.—203,98 г., в 1915 г.—199,12 р., в 1916 г. — 254,56 р. Если взять эту заработную плату в процентном отношении к ценности стекольных изделий, вырабатываемых одним рабочим, то окажется, что указанная заработная плата в 1913 г. составляла 33,57% ценности изделий, выработанных рабочим, в 1914 г. — 33,32%, в 1915 г. — 31,64%, в 1916 г. — 23,10%. Рост дороговизны значительн обгонял рост заработной платы в тех случаях, когда последний имел место. Если номинальный месячный заработок рабочего и возрастал, достигнув в конце 1916 г. 204,5% по сравнению с 1913 г., то реальная заработная плата падала, и уже во втором полугодии 1916 г. составляла в среднем всего 85% реальной заработной платы 1913 г. Невозможность, вследствие этого, удовлетворить необходимые потребности приводила к понижению работоспособности.

Остро дала себя знать война также и в области сельского хозяйства. В год начала войны Европейскую Россию постиг недород. Урожай 1914 г. дал здесь только 81% среднего сбора всех хлебов. Угрозы для страны это, правда, еще не представляло, так как потери от недорода возмещались запасами предшествовавших урожайных лет и возможностью обратить для внутреннего потребления хлеб, который в мирное время был бы вывезен из страны. Урожай 1915 г. уже приближался к среднему. В 1916 г. в некоторых районах часть снятого хлеба погибла.

Война вызвала сокращение посевной площади в стране. К концу 1916 г. посевная площадь составляла по всей России лишь 83,5% довоенной. Часть этой площади сделалась на западной окраине театром военных действий. Другой более важной причиной сокращения посевной площади явился недостаток рабочих рук, в особенности на юге и юго-востоке, созданный многочисленными призывами в армию. До 53% взрослого мужского населения деревни было взято под ружье. Пополнение этой убыли за счет военнопленных, посылавшихся на сельско-хозяйственные работы, не могло дать ощутительных результатов. Высокая заработная плата для сельско-хозяйственных рабочих была другим из следствий многочисленных призывов.

Значительно упало в деревне за время войны количество скота. Для армии потребовалась масса лошадей, что вызвало сокращение рабочего скота. Реквизировано было лошадей свыше 2 милл. голов. Уходил в армию и убойный скот. По некоторым исчислениям, армия взяла из деревни около 10 милл. голов крупного рогатого скота.

Вместе с тем сельскому хозяйству, как и промышленности, пришлось пережить процесс уничтожения орудий производства. Еще до войны продукция русского сельскохозяйственонго машиностроения не могла покрыть существовавший в стране спрос на сельско-

хозяйственные машины. В 1913 г. из общего числа сельскохозяйственных машин, пошедших в деревню, в России было произведено 55,4%, все же остальное ввезено было из-за границы. За годы войны сельскохозяйственное машиностроение в России сильно упало: в 1914 г. оно давало 90% довоенной продукции, в 1915 г. — 50%, в 1916 г. — 20%.

В 1913 г. было произведено 1.132.000 с.-хоз. машин и орудий, 2.521.000 серпов и 46.000 кос, в 1916 же году машин было произведено 226.500, серпов—504.000 и кос—8.200.

В результате — на юге капиталистическое сельское хозяйство, лишенное средств производства и рабочих рук, падало. Падало и крестьянское хозяйство. Если в известной степени увеличился доход зажиточных слоев крестьянства, получившийся от продажи хлеба по более высоким ценам, то все же и эти зажиточные хозяйства постепенно разрушались, уничтожая свой основной капитал. Падало хозяйство массы крестьянства, показателем чего служил рост, с одной стороны, хозяйств беспосевных, с другой, — хозяйств, лишенных рабочего скота.

Война оборвала почти все торговые связи России с заграницей. С начала военных действий западная граница, а после вступления в войну Турции также Черноморское побережье и кавказская граница оказались закрытыми. Открытыми остались лишь Беломорское побережье и азиатская граница. Значительно сократился в эти годы ввоз, сводившийся теперь к ввозу предметов, необходимых для войны. В еще большей степени сократился наш вывоз. В результате это вызвало понижение дохода народного хозяйства.

С первых же дней войны крайне напряженная работа выпала на долю путей сообщения. По сравнению с мирным временем работа транспорта колоссально увеличилась. Пробег железнодорожных вагонов в 1916 г. увеличился более чем $1\frac{1}{2}$ раза по сравнению с 1913 г.

Средний суточный пробег вагонов в 1916 г. превышал более чем вдвое средний суточный пробег 1913 г. В начале войны упала перевозка грузов (в том числе — и воинских). Причина этого заключалась, прежде всего, в увеличении людских перевозок, вызывавшихся потребностями переброски войск. Эти перевозки отвлекали большое количество товарных вагонов. За второе полугодие 1914 г. 32,1% вагонов было выделено из грузовой работы для хозяйственных и воинских поездов. К этому в 1915 г. прибавились перевозки беженцев. Однако, средняя суточная погрузка вагонов в 1916 г. превышала в 1½ раза ту же погрузку в 1913 г. Многочисленные перевозки по заданиям военного ведомства, совершавшиеся к тому же без определенного плана, приводили к падению хлебных перевозок. Огромная потребность в перевозочных средствах наталкивалась на недостаток вагонов и паровозов. Еще до войны в составе паровозного парка было до 20—25% паровозов, насчитывавщих давность в 40—50 лет. Начиная с 1915 г., машиностроительные заводы и железнодорожные мастерские перешли также к изготовлению снарядов. Поэтому выпуск паровозов с каждым годом падал. Ремонт же сильно замедлялся, и процент испорченных паровозов и вагонов возрастал. Расстройство транспорта отразилось на рынке, вызвав расхождение цен на сельскохозяйственные продукты в районах их производства и потребления.

Для армии требовалось огромное количество продуктов. Спрос на эти продукты со стороны государства, сокращение производства, расстройство транспорта, наконец, падение бумажных денег, — все это создавало дороговизну и по мере того, как снабжение страны расстраивалось, способствовало росту цен на рынке. Уже к январю 1915 г., по данным Союза городов, дороговизна наблюдалась во всех больших городах и 85% малых (с населением ниже 10.000 человек). Цены, по сравнению с довоенным временем возрастали очень

быстро. К июню 1916 г. цены на соль поднялись на 483%, на мясо — на 232%, на масло — на 124%, на миткаль — на 113½, на ржаную муку — на 99%, на пшеничную муку — на 64%, на сахар — на 47%, на керосин—на 30%. В ряде городов нехватало хлеба, муки, мяса, жиров, сахара. Нехватало керосина (цена за фунт которого на Украине в декабре 1916 г. поднялась до 1½ руб.), свечей, одежды, обуви. Во многих местах образовывались очереди за получением того или иного продукта. Повышение цен касалось преимущественно продуктов, потребляемых всем населением и армией. Вздорожание сильнее оказывалось в районах промышленных. Запрещение вывоза хлеба из производительных районов способствовало развитию спекуляции. Торговый и банковый капитал поднимали цены на хлеб. Спекуляцией банков об'яснялось и вздорожание сахара. Введение в 1916 г. кары за спекулятивное повышение цен никаких результатов дать не могло, и доходы предпринимателей и оптовиков попрежнему возрастали. Издание такс, если и понижало прибыль мелких торговцев, то только на время. На повышении цен больше всего теряли городские жители по сравнению с деревенскими, среди же городского населения наиболее тяжело ложилось вздорожание на плечи рабочих и низших служащих. Во второй половине 1916 г. в ряде крупных городов наступали катастрофические моменты, когда отсутствие тех или иных продуктов грозило голодом. Рост дороговизны дал почувствовать тяжесть войны всему населению страны.

Война вызывала огромнейшие расходы, совершенно непосильные для государственного бюджета. Каждый день войны в 1914 году обходился государству в 8 миллионов рублей, в 1916 же году каждый день войны стоил 31 миллион руб., т.-е. расходы увеличились почти в 4 раза. В 1914 году на войну было израсходовано 3 миллиарда руб., в 1915 г. — 9 миллиардов, в 1916 г. — 12 миллиардов. Эти цыфры станут еще красноречивее,

если принять во внимание, что общая сумма народного дохода в 1913 г. равнялась 13 миллиардам. Царское правительство, изыскивая средства на ведение войны, уже в самом ее начале считало необходимым повышение существующих налогов и введение новых. Толкало его к этому и то, что из приходного бюджета государства выпала доходная статья в виде винной монополии. Совет министров освобождал буржуазию от новых обложений, считая, «что явившаяся следствием войны стесненность в экономической жизни страны наибольшей своей тяжестью ложится на зажиточные классы, временно испытывающие немалые материальные затруднения...» Исходя из этой своеобразной оценки положения, правительство накладывало на трудовое население бремя новых налогов. В то время как прямые налоги в 1916 г. по сравнению с 1913 г. возросли на 42,4%, составляя 12,3% всех доходов, вместо прежних 7,7%, налоги косвенные за то же время возросли на 54,6%, составляя 35,6% общей суммы дохода, вместо 20,7% мирного времени. Косвенные налоги падали на продукты широкого потребления — сахар, керосин, спички, табак. При падении реальной заработной платы это увеличение косвенных налогов еще в большей степени вело к усилению тягостей войны. Падению реальной заработной платы содействовало и падение курса рубля, вызывавшееся ростом эмиссии.

Два с половиною года войны, как можно видеть, вызвали резкие изменения во всем народном хозяйстве России. Война, уничтожавшая в стране основной капитал, препятствовавшая процессу воспроизгодства, столкнула хозяйство на путь разрушения. Создавшееся положение грозило тяжелыми последствиями. Дга призрака стояли перед страной: в окопах — призрак смерти, в тылу — призрак голода. Положение рождало и обостряло революционные настроения масс.

II. Царизм вооружает против себя все классы общества.

Непосредственно перед началом войны волна рабочего движения вздымалась кверху. Об этом говорит, прежде всего, рост стачек. В июле 1914 г. число участников стачечного движения в стране было настолько велико, что составляло $^2/_3$ участников октябрьской забастовки 1905 г. В Петрограде в июле 1914 г. возникали баррикады, происходили столкновения с полицией и казаками. Об'явление войны вызвало со стороны петроградских рабочих ряд демонстраций протеста, закончившихся новыми столкновениями с полицией. Правительство, однако, легко справилось с этим движением. Мобилизация, разрыв связей с заграницей, военная цензура, исключавшая для рабочей печати какую бы то ни было возможность дать сведения об истинном положении на фронтах и в тылу, пропаганда правых социалистов, заявивших себя оборонцами, — все это препятствовало тому, чтобы широкие слои рабочего класса об'единились в массовом выступлении против империалистической войны. Все же, несмотря на широко разлившуюся волну оборонческой агитации и пропаганды, рабочие своим классовым чутьем уже нащупывали правильный путь, занимая по отношению к войне резко отрицательную позицию.

Война сократила размах стачечного движения. По сравнению с 1914 г. количество стачек и их участников в 1915 г. падает, но в 1916 г. оно снова возрастает, хотя и не достигает цифр 1914 г. Война отразилась вместе с тем и на характере стачек. Падает процент политических забастовок. В 1914 г. политические стачки составляли 67% общего числа стачек, в 1915 г. эта цифра упала до 24%; но в 1916 г. она поднимается уже до 52%. Немалую роль в сокращении числа политических забастовок играли правительственные репрессии. Правительство сурово расправлялось с забасто-

вавшими рабочими, отправляя их на фронт. Летом 1915 г. оно расстреливало бастующих костромских и иваново-вознесенских ткачей, выступавших на улицы. Стачечное движение, поскольку оно вызывалось экономическими причинами, было, главным образом, борьбой за повышение заработной платы. Сверх-прибыли капиталистов давали им возможность легче удовлетворять некоторые требования рабочих, почему процент успешно закончившихся для рабочих стачек в годы войны повышается. Попрежнему характерным для стачечного движения оставалось то, что среди рабочих, принимавших участие в политических стачках, на первом месте шли металлисты. В 1913 г. они составляли 74,5% всего числа стачечников, в 1914 г. — 82,3%, в 1916 г. — 55,9%.

Правительство боялось рабочего движения и с началом войны усилило свои репрессии по отношению к нему. От этих репрессий страдали, прежде всего, рабочие организации. Стеснено было открытие новых больничных касс, работу ранее возникших до крайности затрудняли обыски и аресты. Закрывались существовавшие профессиональные союзы. Рабочая печать переживала тяжелое время и вынуждена была сойти почти на-нет.

В эти годы попыталась овладеть рабочим движением буржуазия. Она стремилась втянуть рабочих в военно-промышленные комитеты, созданные в августе 1915 г. для об'единения промышленников, предприятия которых работали «на оборону». Вопрос о том, входить ли в военно-промышленные комитеты, создавать ли в них рабочее представительство, вызвал борьбу в пролетарских массах. Оборонцы повели кампанию за участие в комитетах, за сотрудничество с буржуазией. Против этого решительно выступили большевики. Ленин в октябре 1915 г. писал в заграничном «Социал-Демократе»: «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистическую

реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие в первой стадии выборов, *только* в агитационных и организационных целях». Выборная кампания в ряде промышленных городов помогла широким рабочим массам выяснить свое отношение к войне. Рабочие в Петрограде, Самаре, Нижнем-Новгороде, Харькове, Саратове, Баку отказались войти в оборонческие организации империалистической буржуазии. Участие в них приняли (прежде всего, в Москве) лишь небольшие кучки меньшевиков, образовавших в военно-промышленных комитетах «рабочие группы» прислужников буржуазии. В январе 1917 г. в Петрограде была арестована рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета. Даже эта группа оказалась страшной для царского правительства, как только она начала агитировать за подготовку демонстрации в день возобновления занятий Гос. Думы и тем собиралась поддержать оппозиционную буржуазию.

Партийные организации сильно пострадали от войны. Начало военных действий разорвало их связи с заграничным центром. Последовавшие разгромы еще более затруднили партийную работу. В ноябре 1914 г. были арестованы члены думской большевистской социал-демократический фракции — Бадаев, Муранов, Петровский, Самойлов и Шагов. Их деятельность в рабочих массах беспокоила правительство, не замедлившее расправиться с ненавистными депутатами. Думская «пятерка» и некоторые из арестованных вместе с нею работников партии были отправлены на поселение в Сибирь. Наступление правительства на рабочий класс не привело, однако, к окончательному разгрому. В 1915—16 г. г. партии большевиков удается опять оживить свою работу. Было уже очевидно, что сознание рабочего класса просыпается, что попытки буржуазных политиков направить пролетарское движение по желательному для них руслу провалились, что это движение идет под руководством большевиков.

Медленнее, чем город, революционизировалась во время войны деревня. Еще в октябре 1915 г. директор департамента полиции докладывал министру внутренних дел: «в деревнях..., вследствие весьма благоприятно сложившихся для крестьян экономических условий, не только не наблюдается повышенного настроения, но отмечается даже довольство населения и спокойное или, скорее, безразличное отношение ко всему тому, что так тревожит городское население». Эта полицейская оценка, конечно, хватала через край — «довольства» среди крестьян, разумеется, не было, экономические условия «благоприятно» складывались только для зажиточного слоя крестьянства. Но в общем полицейский чиновник правильно противопоставлял наружное спокойствие деревни волнениям городских рабочих. Однако, тяготы военных лет растревожили у крестьянства старую мечту о земле. Полицейские сведения по ряду губерний свидетельствуют о том, что в связи с войной крестьянская масса снова стала надеяться на наделение ее землею. Начальник Екатеринославского губернского жандармского управления доносил: «Никогда не замирающее стремление крестьян к земле не только не ослабело, но, наоборот, усилилось. Во всех толках крестьян о войне сейчас красной нитью проходит одна надежда,—надежда на то, что по окончании войны участники ее щедро будут наделены землей. В этом отношении в массе циркулируют самые разнообразные слухи, и нельзя не отметить, что слухи эти находят полную веру в рядах армии».

Вместе с этими надеждами среди крестьянства стало расти и недовольство. Возбуждали его частые призывы (в особенности — ратников 2-го разряда), реквизиции скота, неправильное распределение пособий семьям призванных, возрастающая дороговизна, усиливающееся разрушение хозяйства. Все отчетливее заявляло о себе стремление к окончанию войны и заключению мира. В Поволжье наблюдалось на этой почве брожение среди

крестьян, в Смоленской губернии шли толки о необходимости вооружиться и уничтожать господ. Если это зарождавшееся недовольство и не привело в годы войны к открытым выступлениям крестьянства, то все же оно подготовило крестьянскую массу к политическому перевороту.

Во время войны новую враждебную себе силу царизм нашел в лице армии. На фронте за это время насчитывалось около 15 миллионов человек. Армия, по своему составу преимущественно крестьянская, в части своей была заполнена рабочими, которые не могли не играть руководящей роли в окружавшей их крестьянской среде.

Армия тяготилась войной. Уже в феврале 1915 г. бывший военный министр Куропаткин со слов октябриста А. И. Гучкова писал в своем дневнике о солдатах: «утомились лишениями и войной». В армии налицо был крайний недостаток снабжения. Тот же Куропаткин зимою 1914—15 г. записывал в дневнике: «Пища нижних чинов плохая. Хлеба мало. Мясо дают почти каждый день с супом. Каши не дают. Роют картофель... с продовольствием не справляются в армии. Люди голодают. Сапог у многих нет. Ноги завернуты полотнищами... есть корпуса, где все еще голодают». На совещании главнокомандующих фронтами в ставке в декабре 1916 г. главнокомандующий западным фронтом генерал Эверт заявлял: «у нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение». Те же явления наблюдались и в тылу. Недовольство солдат подогревала также державшаяся в армии палочная дисциплина. Хлыст, нагайка в руках офицера часто не оставались без дела и прогуливались по солдатским спинам и лицам. Это было заурядным явлением, в особенности на фронте. За пустяковое нарушение дисциплины расстреливали. Вместе с тем поражения раскрывали глаза даже тем, кто еще был во власти оборонческой идеологии. Солдатская масса начинала все отчетливее сознавать, что

она не заинтересована в этой войне, затеянной господствующими классами.

В армии мало-по-малу наступало разложение, солдатская масса ускользала из-под влияния командиров. Командный состав все чаще констатировал падение дисциплины. Хотя и в незначительном числе, но уже происходили на фронтах случаи братания с противником. Наблюдались массовые «уходы в плен» — сдавались, подходя к германским окопам, целые роты и батальоны. На первое мая 1917 г. потери армии убитыми, отравленными газами, раненными, контуженными, пропавшими без вести и пленными, по данным главного штаба, достигали 6.226.000 солдат и 66.000 офицеров. Характерно, что из этого числа в плену находилось 2.907.128 солдат, т.-е. немного менее половины всей потери армии в солдатах. На ряду со сдачей в плен развивалось дезертирство. С позиций иногда уходили целые полки. Росло и движение против командного состава. Неоднократно ненавистных офицеров поднимали на штыки, сражали выстрелом. Солдаты, в особенности в тыловых частях, были затронуты революционной пропагандой. Поэтому бывали случаи, когда солдаты протягивали руку рабочим. В Петрограде осенью 1916 г. солдаты 181 пехотного запасного полка отказались выступить против рабочих.

Последовал перелом в настроении и у известной части командного состава. «Поражение, — писал впоследствии Ленин, — истребляя в громадном размере командные составы заскорузлого дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменяло его молодым, свежим, преимущественно буржуазно - разночинским и мелко-буржуазным». Это изменение социального состава офицерства делало даже командные круги армии если не революционными, то оппозиционными.

Более революционно, нежели армия, был настроен флот. Рабочий состав матросской массы обусловливал то, что моряки шли во главе революционного движения

в войсках. В Балтийском флоте завязаны были связи с революционными организациями и даже подготовлялось восстание на судах. Разгром партийной организации во флоте отсрочил выступление, но не ликвидировал революционных настроений моряков.

В противоположность пролетариату и крестьянству, русская буржуазия свою империалистическую позицию в годы войны формулировала в лозунге — «война до победного конца». Хозяйственная разруха и неудачный ход войны, заставлявшие буржуазию опасаться за ее исход, обострили оппозиционные настроения в буржуазных слоях общества. В августе 1915 г. смыкается широкий буржуазный фронт в лице создавшегося в Государственной Думе прогрессивного блока. В образовании блока принимают участие разнообразные политические группировки, начиная справа от националистов и кончая налево кадетами. Это об'единение оппозиционных помещиков и буржуазии выставляет общую программу, которая сводится к созданию об'единенного правительства, проведению во внутренней жизни начал законности, устранению двоевластия военного и гражданского, к обновлению администрации и достижению гражданского мира внутри страны. Блок оказался недостаточно прочно спаянным, и еще до революции из него вышли прогрессисты (представлявшие собою интересы крупного промышленного капитала), настойчиво требовавшие создания ответственного министерства, в то время, как остальные участники блока готовы были довольствоваться «деловой работой» с существовавшим кабинетом. На поводу прогрессивного блока шли и остальные мелко-буржуазные партии, представленные в Думе, но формально не входившие в блок. Поддержать его готовы были думские меньшевики.

Государственная Дума была не единственным центром, вокруг которого группировалась в дни войны оппозиционная буржуазия. Такими же центрами явились

буржуазные организации, призванные к жизни войной, точнее — неспособностью правительства справиться с задачами военного времени: военно-промышленные комитеты, Союз городов, Земский союз. Допуская работу этих помещичье-буржуазных организаций, правительство относилось к ним в то же время с достаточной ненавистью. Но еще больше оно ненавидело Думу.

Династические и придворные круги в значительной степени рассматривали войну, как свое личное дело. Можно говорить, что по отношению к войне они раскололись на две группы. Часть членов царской фамилии и лиц, приближенных ко двору,—именно те, которые давно уже стали помещиками, ведущими капиталистическое хозяйство, или промышленниками,—разделяли всецело точку зрения империалистической буржуазии на войну. Других личные интересы толкали к скорейшему прекращению войны путем отказа со стороны России от продолжения войны в рядах союзных держав, путем заключения сепаратного (отдельного от союзников) мира с Германией. Во время войны слухи о предстоящем заключении сепаратного мира все чаще проникали в общественные круги и крайне тревожили буржуазию. В связи с ними называли имя императрицы. Борьба вокруг сепаратного мира в дворцовых кругах и необходимость поддержать падающий авторитет власти приводили к министерской «чехарде»—беспрерывной смене министров. За время войны сменилось 4 председателя совета министров, 6 министров внутренних дел, 3 министра иностранных дел, 3 военых министра, 3 министра юстиции, 4 министра земледелия, 4 обер-прокурора синода. Назначения на эти посты бездарных и бесцветных бюрократов, тем более—политических авантюристов в роде Протопопова (покинувшего пост тов. председателя Государственной Думы ради министерства внутренних дел и скомпрометировавшего себя переговорами в Стокгольме с германскими пред-

ставителями), вызывали крайнее раздражение в либеральных кругах.

Верховная власть в эти годы делала, казалось, все возможное для того, чтобы углубить разрыв с буржуазией, допуская принимать участие в политической жизни и оказывать на нее влияние те элементы, которые в либеральных кругах общества назывались «темными силами». В мистически настроенной царской семье исключительным влиянием пользовался «старец» Распутин—неграмотный, хитрый, циничный сибирский крестьянин с уголовным прошлым, игравший в комнатах царя и царицы роль целителя, предсказателя, ближайшего советника. Скандальные слухи, распространявшиеся о нем, окончательно компрометировали последних Романовых в глазах всей страны. Имя Распутина также связывали с планами сепаратного мира. Естественно, что в декабре 1916 г. Респутин стал жертвой заговора, в котором более или менее близкое участие принимал ряд лиц, начиная от членов императорской фамилии, стоявших в рядах дворцовой оппозиции, и кончая кадетским депутатом Маклаковым. Убийство Распутина было одним из этапов подготовлявшегося дворцового переворота, который в известной степени мог бы напомнить петербургские дворцовые перевороты XVIII века. Этот переворот замышлялся крупной промышленной и финансовой буржуазией, опиравшейся на содействие военных кругов.

Таким образом, спустя 2½ года после начала войны, царизм своей политикой создал в стране положение, при котором всюду находил врагов: одних—готовых совершить династический переворот во имя монархической идеи, других—мечтавших о том, чтобы окончательно смести царскую власть. Этим об'ясняется, почему с такой легкостью совершилось ее падение, почему,—по выражению Ленина,—«телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*».

III. Февральский переворот передает власть в руки буржуазии.

«По свержении царизма власть перешла к буржуазии вследствие ее экономической силы и политической организованности».

Из резолюции VI с'езда РС-ДРП (большевиков) в 1917 г.

За время войны возраставшая непрерывно дороговизна и недостаток самых необходимых продуктов неоднократно толкали трудящихся к выступлениям. По данным министерства внутренних дел, в 1915 г. продовольственные волнения в стране имели место 684 раза, а за первые пять месяцев 1916 года—510 раз. Почти половина этого количества падала на Петроград и на Москву (в 1915 г. в Петрограде—210, в Москве—73, в 1916 г. в Петрограде—199, в Москве—89). Такие же продовольственные волнения положили начало февральским событиям 1917 года.

В «женский день», 23 февраля (по старому стилю, 8 марта—по новому) [1]), в Петрограде началась забастовка, которой пришлось стать преддверием революции. К вечеру этого дня Петроградское охранное отделение насчитало по городу 43 предприятия, прекративших работу. Занято на них было 78.443 рабочих. В своей телеграмме царю министр внутренних дел Протопопов указывал цифру забастовавших в 90.000 человек. Рабочие выходили на улицу. Звучал их крик—«хлеба!». Днем с таким же требованием направились к городской думе толпы женщин. В руках у демонстрантов появились красные знамена с надписями—«Долой самодержавие!», «Долой войну!». В различных местах города бастующие пытались остановить движение трамваев. На ноги поднята была полиция, высланы были на

[1]) В дальнейшем все даты в брошюре приводятся по старому стилю.

улицу казаки. Демонстрантов начали разгонять. Несколько полицейских, угрожавших толпе или пытавшихся задержать кого-нибудь в ее рядах, были ранены. Власть в этот день не могла не понять, что настроение масс переросло рамки недовольства, которое могло бы попрежнему ограничиться разгромом окраинной булочной или мелочной лавочки.

Массовое движение нарастало с часу на час.

На другой день бастует уже 131 предприятие, с общим количеством рабочих в 158.583 человека. 25 февраля забастовка охватывает 173 предприятия, на которых занято 201.248 рабочих. Она становится всеобщей. К забастовке присоединяются учащиеся. На улицах из рядов домонстрантов на ряду с криками «хлеба!» несутся возгласы — «да здравствует республика!». Полиция пытается разгонять демонстрантов и стреляет в толпу. Но правительственную власть не может уже не смущать поведение высланных на улицу войск. Казаки сочувственно слушают упоминания о республике на уличных митингах. Иногда они даже ясно дают понять, что «усмирителями» не будут. 25 числа на Знаменской площади казаки открывают огонь по наряду конных городовых, полицейский пристав зарублен одним из казаков. Толпа устраивает казакам овацию. На другой день рота запасного батальона Павловского полка выбегает из казарм с требованием вернуть обратно выведенные на улицу части. При этом павловцы обстреливают появившийся взвод конной полиции. Лишь с большим трудом командованию удается запереть их в казарму. На улицах—перестрелка: стреляет полиция, стреляет часть войск, предусмотрительно переодетая кем-то в полицейские шинели, трещат пулеметы, не менее предусмотрительно расставленные на чердаках и крышах домов, из толпы отвечают выстрелами, стреляет по полиции другая часть войск, рвутся ручные гранаты...

Правительственные власти чувствуют растерянность. Продовольственное дело в городе решено передать в ведение городского самоуправления. Среди правительства никто еще не понимает, что дело идет о большем, чем заведывание продовольствием. Недалекий Протопопов продолжает чувствовать себя властью и отдает приказы об арестах. Это—последние аресты, произведенные царским правительством. На заседаниях совета министров все нервны, все кажутся друг другу нераспорядительными. Царь из ставки несвойственным ему языком телеграфирует командующему войсками Петроградского военного округа генералу Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Позже Хабалов рассказывал Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства: «Эта телеграмма, как бы вам сказать?—быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом... Как прекратить завтра же? Сказано: завтра же... Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить?—Когда говорили: «хлеба дать»,—дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись—«долой самодержавие», какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать?—царь велел: стрелять надо...». И Хабаловы стреляли, и подчиненные их стреляли. Петроград был ареной революционных боев.

Не находя ничего лучшего, правительство решает об'явить о перерыве заседаний Государственной Думы до апреля месяца. Князь Голицын—случайный человек на посту председателя совета министров, донашивающий это звание едва второй месяц,—на пустом бланке, подписанном заранее Николаем Романовым, пишет текст царского указа. В ночном своем заседании совет министров решает также ввести осадное положение. Председатель Государственной Думы Родзянко посылает в ставку тревожную телеграмму. Обрисовав положение в городе и констатируя паралич правительства, он

советует: «необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно». Эти советы звучат более чем запоздало.

Понедельник, 27 числа—высший пункт массовых выступлений. Гвардейские полки—Волынский, Преображенский, Павловский, Литовский—кинулись на улицу в ряды восставших. С их присоединением восстание получает новый размах. Восставшие захватывают арсенал, Петропавловскую крепость, тюрьмы, откуда выпускают политических заключенных. Пылает подожженное толпой охранное отделение. В огне также окружный суд, Литовский замок [1]). Повсюду стрельба. К вечеру важнейшие пункты города заняты восставшими. Небольшая часть войск, оставшаяся верной правительству, бродит в нерешительности между Зимним дворцом, Петропавловской крепостью и Адмиралтейством, не зная, где укрепиться для последнего сопротивления. Но те, кого они хотят защищать, просят их удалиться из дворца. Просидев ночь в Адмиралтействе, под утро войска расходятся. У них едва хватало хлеба, осталось всего несколько десятков снарядов для орудий и не было патронов.

Под выстрелы, в пожарах этого дня — неизбежно должна родиться новая власть. Это прекрасно понимают и в Думе, и в рабочих массах. Встревоженный помещик Родзянко вторично телеграфирует царю: «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

Николай в Могилеве, — прочитав эту телеграмму, тупо и лениво замечает: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». А несколько позже ему подают новые телеграммы: совет министров предлагает распу-

---

[1]) Одна из петроградских тюрем.

стить его, Михаил Романов говорит о необходимости назначить новым председателем совета министров земца князя Львова.

Правительственной власти в Петрограде фактически уже нет. Буржуазная Дума чувствует, что она должна сделать решительный шаг—взять власть в свои руки, если только она не хочет, чтобы ее взяли рабочие. Но побледневший в свете революции призрак конституционного начала еще не покинул зал Таврического дворца [1]). Депутаты, ознакомившись с указом о роспуске Думы, постановляют не раз'езжаться. Днем они собираются в Думе на частное совещание. На этом совещании подана мысль о создании временного комитета членов Госуд. Думы. Образование его поручено комитету старейшин. Ночью 27 февраля образован Временный Комитет, который берет в свои руки «восстановление государственного и общественного порядка». По составу Временный Комитет — почти сколок с прогрессивного блока. Единственные левые в нем—саратовский депутат Керенский, прячущий в Думе под флагом трудовика свое эсеровское лицо, и меньшевик Чхеидзе.

В тот же день «заседающие в Гос. Думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда», образовавшие Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов, предлагают рабочим и солдатам немедленно избрать своих депутатов. Вечером открывается первое заседание Совета Рабочих Депутатов. В своем заседании Совет выбирает Временный Исполнительный Комитет.

Так в один и тот же день получают жизнь органы власти двух классов, которым предстоит не раз столкнуться друг с другом в последующие месяцы революции.

На другой день стрельба еще продолжается, толпа разрушает полицейские участки, кое-где пылают костры

---

[1]) В Таврическом дворце помещалась Гос. Дума,

пожаров. Центром революционной жизни Петрограда является Таврический дворец. В его стенах теперь уже не отмежеваться от революционной стихии, хлещущей в двери. Отныне, как злобно вспоминает впоследствии депутат-монархист Шульгин, «черно-серая гуща, прессуясь в дверях, непрерывным врывающимся потоком затопляла Думу». Сюда приходят в полном составе полки, юнкерские училища, один из великих князей приводит гвардейский флотский экипаж. Родзянко, «сам старый солдат», приветствует приходящих и приглашает «спокойно разойтись по казармам», «подчиниться и верить офицерам». Сюда же привозят и приводят арестованных сановников и черносотенных деятелей старого режима. Вечером охране у ворот Таврического дворца называет свое имя жалкий, потерявшийся Протопопов, рассудивший за благо отдаться в руки новой власти. Министр юстиции Добровольский, трусливо прячущийся в итальянском посольстве, звонит в Думу по телефону и «сдается». Наступают часы, когда под одной и той же крышей Таврического дворца одновременно собираются представители трех властей: арестованные министры низложенного правительства, Временный Комитет буржуазной Думы и будущая пролетарская власть—Совет.

2 марта образуется Временное Правительство. В составе его—представители помещиков и промышленной буржуазии—октябристы, кадеты и прогрессисты. Среди них единственный социалист-оборонец Керенский, принявший портфель министра юстиции и не позаботившийся для этого заручиться предварительным согласием Совета Рабочих Депутатов, где он уже состоял товарищем председателя[1]). В этот день толпе, пере-

---

[1]) В состав Временного Правительства входят: председатель совета министров и министр внутренних дел князь Львов (кадет), министры: иностранных дел—Милюков (кадет), военный и морской—Гучков (октябрист), пу ей сообщения—Некрасов (кадет), торговли и промышленности—Коновалов

полняющей Таврический дворец, лидер кадетской партии Милюков сообщает состав только-что образовавшегося Временного Правительства. Его прерывают вопросом: «Кто вас выбрал?». Громкой фразой: «Нас выбрала русская революция», Милюков пытается рассеять впечатление, которое производит на рабочую и солдатскую массу оглашенный им список буржуазных министров. Милюкова закидывают вопросами: «А программа?.. А династия?..». И кадетский вождь ошеломляет своих слушателей заявлением о предполагающемся переходе власти к регенту. «Это что же? Мы работали, работали, а он опять на шею нам монархов!..»—перекатываются по толпе негодующие голоса. И Милюков вынужден раз'яснить, что это—его личное мнение.

Вопрос о судьбах династии является в эти дни очередным. Царь—на фронте, царица—в Царском Селе. Когда до ставки доходят известия, которые позволили бы приближенным Николая обратиться к нему со словами, которыми некогда герцог де-Лианкур на вопрос Людовика XVI «Это бунт?»—ответил: «Нет, ваше величество, это революция»,—из ставки на Петроград бросают эшелоны надежных частей. Император выезжает в Петроград, еще не подозревая того, что он будет привезен в Царское Село, как пленник революции. Царский поезд задержан железнодорожниками в пути. Николай застревает в Пскове. Сюда к нему приезжают представители Временного Комитета Государственной Думы Гучков и Шульгин. Их поездка—попытка осуществить цели того заговора, который возник в стенах думского кабинета Родзянко в беседе членов Комитета. «Тут, собственно, это и решилось,—писал впоследствии Шульгин.—Нас было в это время не полный

(прогрессист), финансов — Терещенко (кадет), просвещения — Мануйлов (кадет). земледелия—Шингарев (кадет), юстиции — Керенский (социал.-революционер), обер-прокурор синода-В. Львов (партия центра), государственный контроль—Годнев (октябрист).

состав. Были: Родзянко, Милюков, я,—остальных не помню. . Но помню, что ни Керенского, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно. Он сказал приблизительно следующее: «...в этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию... Без монархии Россия не может жить... Но, видимо, нынешнему государю царствовать больше нельзя... Можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный сброд начнет сам искать выхода... и сам расправится с монархией... надо действовать тайно и быстро... Надо поставить их перед совершившимся фактом... надо дать России нового государя... Я предлагаю немедленно ехать к государю и привезти отречение в пользу наследника...». В результате этого решения «в своем кругу»—в кругу преданных монархии крупных фабрикантов и помещиков—Гучков и Шульгин за спиной революции делали безнадежную попытку спасти монархию и династию.

Возлагая на себя роль русских Мирабо, они частично были разочарованы уже в Пскове. 2 марта Николай Романов подписал отречение за себя и за сына, передавая права на престол своему брату Михаилу. 3 марта Михаил Романов, в свою очередь, отрекся от короны, поставив вопрос о ее принятии в зависимость от решения будущего Учредительного Собрания. Императорская власть перестала существовать. Под солдатским караулом в Царскосельском дворце содержался Николай Романов—теперь полковник—и его семья.

Февральский переворот, сопровождавшийся в Петрограде боями, в провинции прошел безболезненно. Старая власть почти повсюду на местах покорно складывала свои полномочия и отходила в сторону перед новой, заступавшей ее место. Несколько случаев убийств слуг царского строя были актами раздражения или мести, но не результатом борьбы за власть. Спокойно встретил весть о падении монархии фронт, где значи-

тельная часть высшего командного состава разделяла чувства и мнения буржуазной Думы.

В несколько дней революция ликвидировала монархию. Падение ее было делом рук рабочих и солдатских масс. Но плоды их победы торопилась пожать мощная экономически буржуазия. Она спешила в вихре революционных дней захватить власть в свои руки. Буржуазия была организованнее. Еще не окрепшее и слабое представительство рабочего класса, Петроградский Совет,—представительство, руководимое на первых порах социалистами-соглашателями, уступало ей эту власть добровольно.

IV. Двоевластие обостряет классовую борьбу.

> «Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами, повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов Солдатских и Рабочих Депутатов, над созданием единовластия буржуазии.
>
> Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до чистой диктатуры пролетариата и крестьянства».
>
> Ленин. «Задачи пролетариата в нашей революции».

Свержение самодержавия дало возможность отчетливо выявиться классовым противоречиям, существовавшим в стране. Их уже резко вскрыли дни февральско-мартовского переворота. Последующее развитие событий помогло вскрыть их еще глубже.

Выступая против царизма, каждый класс русского общества с успешным исходом борьбы связывал свои надежды. Победа революции выдвигала на очередь перед каждым классом и новые задачи. Теперь обнаружилось, насколько классовые интересы расходились между собою.

Буржуазия, получив власть из рук рабочих и солдатских масс, нисколько не считала себя обязанной чем-либо по отношению к этим массам. Она и не могла себя считать обязанной со своей точки зрения «реального политика», если пользоваться определением, которое часто прилагали к себе кадеты. Программа восторжествовавшей буржуазии, прежде всего, сводилась к тому, чтобы удержать власть в своих руках. Различные политические буржуазные группировки могли поразному разрешать вопрос о форме управления (ведь в первые дни революции националист Львов заявлял же себя республиканцем, для которого смерть предпочтительнее ужаса—возможного возврата царизма), но классовый интерес говорил за необходимость сохранения власти, захваченной в февральские дни. Делиться этой властью с кем бы то ни было буржуазия не была намерена. Властью с Михаилом Романовым правое крыло буржуазии, конечно, поделилось бы, но с рабочим классом и Советами, как его органами,—никогда. Отсюда вытекал и другой пункт неписанной программы буржуазии, пришедшей к власти в результате революционного переворота. Она была решительно против какого бы то ни было «углубления революции», как любили выражаться в 1917 году. Как один человек, готова была подняться она, когда дело могло коснуться основ ее существования. Промышленники резко возражали против планов введения рабочего контроля, отстаивая неприкосновенность своих фабрик и заводов. Помещики не менее энергично протестовали против захватов земли крестьянами. Безусловно сходились разнообразные буржуазные политические группировки в вопросе о войне «до победного конца». С победоносным окончанием войны были связаны жизненные интересы российской буржуазии. Поэтому она считала, что дело революции сделано, что остается только устраивать и укреплять новый порядок.

Пролетариат и крестьянство ждали от революции иного. Основным требованием их было прекращение войны. Крестьяне считали, что теперь уже не война, а революция наделит их землею. Рабочие выдвигали требование регулирования производства и распределения. Встречая оттяжку в выполнении своих требований или даже прямой отказ со стороны буржуазной власти, пролетариат высказывался против поддержки Временного Правительства и выступал за единовластие Советов.

Промежуточную позицию занимала мелкая буржуазия, имевшая свое политическое представительство в лице меньшевиков, социалистов-революционеров и других более мелких народнических партий. Эти слои буржуазии стремились примирить непримиримое и, рассматривая происходящую революцию, как буржуазную, готовы были содействовать всему, что служило укреплению буржуазного господства, отметая, как утопические и даже гибельные, по их мнению, требования, которые шли дальше буржуазной программы. Политика мелкой буржуазии была двуличной и соглашательской. Меньшевики и эсеры заявляли о необходимости добиться заключения мира без аннексий и контрибуций, а в то же время призывали уставшую от трехлетней бойни армию к новым наступлениям. Меньшевики и эсеры на третьей конференции профессиональных союзов признавали необходимость рабочего контроля, но одновременно спешили заявить о том, что «процесс этого регулирования труден и сложен, чтобы пролетариат мог возложить только на себя одного, или даже преимущественно на себя, это регулирование, даже если бы другие классы населения предоставляли ему выполнение этой задачи». Шумиха революционных фраз могла на время замаскировать в глазах масс соглашательское лицо мелко-буржуазных партий, но дальнейший ход событий неминуемо должен был разоблачить их.

С первых же дней революции остро стал вопрос о власти. Создалось двоевластие, это «замечательное,—по

выражению Ленина, — своеобразие нашей революции». На одной стороне было Временное Правительство, диктатура буржуазии, на другой—Совет Рабочих Депутатов, в котором Ленин немедленно же признал орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. С момента своего возникновения Петроградский Совет, игравший в революции огромную роль, оказался захваченным мелко-буржуазными, соглашательскими партиями, оставившими за Советом только функции контроля по отношению к Временному Правительству. Меньшевики и эсеры составляли в Совете большинство. Это явление, однако, в первый период революции 1917 г. свойственно было всем советам, а не только Петроградскому. В Исполнительном Комитете Петроградского Совета, куда входило в начале революции несколько десятков членов, было всего 4 большевика.

Тем не менее соглашательскому Совету, под нажимом со стороны рабочих масс, приходилось неоднократно вступать в конфликт с Временным Правительством. Сходясь с ним в вопросе об отношении к войне, Совет расходился по ряду вопросов внутреннего характера.

В ходе революции не могли не обнаружиться и противоречия между Советом и широкими массами трудящихся. В скором же времени требования этих масс круто разошлись с позицией, занятой Советом.

Этому способствовала также политика Временного Правительства. В ближайшие же дни после прихода к власти оно должно было высказаться о своем отношении к войне. Буржуазию к перевороту толкали империалисты Англии и Франции, опасавшиеся выхода царской России из войны. Теперь, после свержения царизма, послы союзных держав все настойчивее требовали от Временного Правительства громогласного заявления о дальнейшем участии его в войне. Идя на поводу у англо-французского капитала, Временное Пра-

вительство уже 27 марта в своем обращении к населению говорит об обороне во что бы то ни стало. 18 апреля министр иностранных дел Милюков в ноте союзным державам подтверждает, что новое правительство России «будет вполне соблюдать обязательства», принятые царским правительством в отношении союзников. Откровенное заявление вызывает выступление петроградского гарнизона и рабочих с требованиями отставки Милюкова и перемены политики в вопросе о войне. Апрельское выступление свидетельствовало о том, что рабочий класс и крестьянская армия, разочаровавшись во Временном Правительстве, отходили от него.

Эти события создали правительственный кризис. Совет вынужден был настаивать на изменении состава правительства. Меньшевики и эсеры высказались за участие представителей Совета во Временном Правительстве и вместе с тем выразили ему доверие. Образовалось коалиционное правительство, в состав которого вошло пять правых социалистов (2 меньшевика, 2 эсера, 1 народный социалист) и десять кадетов, прогрессистов, октябристов. Это,—по счету, второе революционное правительство,—было первым коалиционным. Образовавшись 6 мая, оно просуществовало в этом составе около двух месяцев—до первых чисел июля.

Самым фактом своего вступления в правительство соглашательские партии скомпрометировали себя в глазах пролетариата. Дальнейшее поведение меньшевиков и эсеров в рядах коалиции еще в большей степени отшатнуло от них массы трудящихся.

Коалиционному правительству, которое портфель министра земледелия отдало эсеру Чернову, нельзя было отказываться от разрешения вопроса о земле. Факты революционного времени настойчиво подчеркивали его важность. С марта 1917 г. в деревне росло аграрное движение. Март дал 12 крестьянских выступлений. Число их в апреле сразу поднялось до 163, в мае — до 512,

в июне оно достигло 855 с тем, чтобы в июле упасть до 767. Но осенью движение развернулось в еще более грандиозных размерах. Уже апрельское движение крестьянства охватывало 42 губернии. Наибольшее количество выступлений выливалось в форму захвата земли. Менее многочисленны были случаи захвата имущества, лесов и ограничения права собственности. Только разгром усадеб весною и летом еще не представлял собою частого явления (с марта по август насчитывалось 65 случаев такого разгрома). Взятые в целом, эти крестьянские выступления свидетельствовали о серьезности положения в деревне. Судьба революции ставилась в зависимость от того, за кем пойдет крестьянство. Коалиционное правительство, помещичье в части своего состава, конечно, не пыталось найти коренное разрешение вопроса о земле. Оно откладывало его до созыва Учредительного Собрания. 12 июля правительством были запрещены земельные сделки, дальше этого дело не пошло. Наоборот, министр внутренних дел меньшевик Церетели, охраняя помещичьи интересы, распорядился преследовать всех, захватывавших земли.

Наконец, открыть глаза массам на характер коалиционного правительства должен был вопрос об его отношении к войне. Киевский сахарозаводчик миллионер Терещенко, заместивший в этом правительстве на посту министра иностранных дел Милюкова, 3 июня подтвердил в ноте союзникам, что при пересмотре соглашений, заключенных с ними, соглашение о сепаратном мире обсуждаться не будет. Под давлением англо-французского капитала, Временное Правительство решило бросить армии фронта в новое наступление. Керенский, занимавший в коалиционном правительстве пост военного и морского министра, должен был на фронте вести агитацию за переход в наступление. В связи с начатым наступлением в Петрограде состоялась демонстрация под лозунгами —«долой 10 министров-капиталистов!», «Против политики наступления!». Меньшевистско-

эсеровское большинство Советов противилось этой демонстрации, к которой призывали большевики.

Не пользовавшиеся в начале революции заметным влиянием в массах, большевики мало-по-малу начинали приобретать новых сторонников. Ленин, вернувшийся в Россию из эмиграции в начале апреля, отчетливо формулировал задачи пролетариата в революции и шаг за шагом беспощадно разоблачал классовую природу буржуазного правительства и соглашательского Совета. Однако, агитация большевиков не могла еще увлечь за собою целиком массы, которые в большей своей части отдавали голоса на летних выборах в Московскую и Петроградскую городские думы эсерам и меньшевикам. За эсерами шла мелкая буржуазия городов и солдаты. Зато рабочие, значительная часть матросов и часть солдат следовали за лозунгами большевиков. Ленин бросил лозунг—«Вся власть Советам». Он считал необходимым «от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше—к диктатуре пролетариата, к чистому социалистическому перевороту». Он звал к республике Советов. Эти призывы были усвоены и сделались боевым лозунгом революционно настроенных масс.

Нараставшее недовольство коалиционным правительством бросило петроградских рабочих и солдат на новый протест. Солдаты были взволнованы правительственным решением увести революционные полки из Петрограда на фронт. 3 июля массы вышли на улицу. Центральный Комитет большевиков постановил воздержаться от выступления, находя преждевременным начинать вооруженную борьбу. Но, видя стихийный характер движения, он призвал рабочих и солдат к мирной демонстрации. Петроград поддержали прибывшие кронштадтские моряки, петергофские и ораниенбаумские воинские части. 4 июля город был залит толпами демонстрантов. Рабочие потребовали от Центрального Исполнительного Комитета Советов взять власть в свои

руки. Совет отказался. С помощью юнкеров и подтянутых к Петрограду контр-революционно настроенных частей началось подавление демонстрации. 3 июля Чхеидзе уклонялся от прямого ответа на вопрос, возьмет ли Совет власть в свои руки, а на следующий день у меньшевиков и эсеров существовало уже «твердое решение открыть огонь», и Петроград стал свидетелем расстрела демонстрантов. За ним последовали обыски, аресты, разгромы. Из июльских дней пролетариат вышел потерпевшим поражение. Теперь разрыв рабочего класса и следовавших за ним мелко-буржуазных масс с правительством социал-соглашателей сделался окончательным.

Классовая борьба, разрастаясь в ходе революции, начинала выливаться в наиболее острые формы.

V. Буржуазная контр-революция переходит в наступление.

«... государственная власть оказалась фактически в руках контр-революционной буржуазии, поддержанной военной кликой».

Из резолюции VI с'езда РС-ДРП (б) 1917 г.

Буржуазия назвала июльские дни «вооруженным мятежом». Всей тяжестью репрессий она обрушилась на пролетариат и партию большевиков. После июльских дней начинается разгул реакции: Временное Правительство разоружает петроградских рабочих, требуя сдачи имеющегося оружия, закрывает рабочие газеты, производит массовые аресты большевиков. Отряды правительственных войск производят погромы помещений партийных организаций. Разыскивают Ленина и Зиновьева, которые вынуждены скрываться в подполье. Центральный Исполнительный Комитет Советов требует от большевиков их выдачи. Временное Правительство распространяет слухи о том, что июльские события вызваны германскими агентами. Буржуазные газеты выливают

потоки клеветы на большевистских лидеров, утверждая, что они продались германским империалистам.

На фронте наступление заканчивается неудачей: немцы прорывают нашу линию. Армии отступают. Отступление местами переходит в бегство. Высшее командование требует для поддержания дисциплины в армии крайних мер, и Временное Правительство соглашается на введение для солдат смертной казни на театре военных действий. Свою ближайшую задачу оно видит в «напряжении всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны от всяких анархических и контр-революционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти». Революционные фразы этой декларации к народу, опубликованной 8 июля, маскируют единственную решимость—борьбы с большевизмом, выдаваемым за анархизм. На следующий день Центральный Исполнительный Комитет Советов констатирует, что «страна и революция в опасности» и об'являет Временное Правительство «правительством спасения революции», наделенным неограниченными полномочиями и отчитывающимся перед Исполкомом Советов. Обязать к этому правительство в ту минуту тем более легко, что из состава коалиции еще 3 июля, из-за разногласий по национальному вопросу, уходят министры-кадеты, а несколькими днями позже выходит не поладивший с большинством премьер князь Львов, которого заменяет Керенский. Но «правительство спасения» скоро реорганизуется. В него опять входят и кадеты, и представители торгово-промышленных кругов, потребовавшие полной независимости Временного Правительства от кого бы то ни было. К концу июля, сконструировано, наконец, с Керенским во главе новое правительство,—«министерство первых шагов бонапартизма», как назвал его Ленин [1]). Меньшевики и

[1]) В него входят — 4 эсера, 2 социал-демократа, 1 народный социалист, 5 кадетов и 1 радикал-демократ.

эсеры в этом министерстве являются прикрытием для замыслов контр-революционной буржуазии и военщины.

Теперь связь между буржуазными кругами и командным составом армии дает знать о себе все сильнее. Вступившая на путь контр-революции буржуазия ищет опоры в армии; в свою очередь армейские политики считают необходимым для достижения своих целей содействие политических деятелей, достаточно авторитетных в широких кругах страны. В середине июля правительство назначает на должность верховного главнокомандующего генерала Корнилова. Принимая должность, он выставляет требование о введении в армии железной дисциплины, о применении смертной казни в тылу и получает принципиальное согласие правительства.

В армии контр-революция свивает себе прочное гнездо. Начинается мобилизация контр-революционных сил. Приступают к формированию добровольческих частей— всяких «ударных батальонов», «батальонов смерти». В тылу и на фронте возникает ряд тайных офицерских организаций. В середине августа Корнилов уже начинает стягивать надежные войска к ставке и продвигает к Петрограду 3-й конный корпус генерала Крымова [1]).

Корнилов и его сторонники лелеют план установления военной диктатуры. Фактически диктатура буржуазии после июльских дней существует вполне неприкрыто. Но в глазах командного состава армии политическая физиономия Временного Правительства представляется крайне ничтожной. Коалиция является для него помехой. Реакционная военщина готова смести это правительство. Однако, ей необходимы союзники с политическим именем, которое могло бы сделать установление военной диктатуры приемлемым, главным образом, для масс, еще разделяющих иллюзии демократизма.

---

[1]) В состав этого корпуса входили 2 казачьих и одна туземная кавказская дивизия.

Нужных ему сторонников Корнилов находит в лице некоторых социалистов-революционеров—в роде бывшего террориста, а в ту минуту военного министра, Савинкова и комиссара Временного Правительства при ставке Филоненко. Те прекрасно понимают, в чем дело. «Наша политическая окраска для вас тот щит в бою, который также необходим, как и меч»,—заявляет Филоненко Корнилову. Возникает единый контр-революционный фронт, протягивающийся от эсеров до крайних правых.

Корнилов стоит за немедленное выступление; его, однако, удерживают новые политические друзья. В середине августа в Москве созывается Государственное совещание, к участию в котором приглашены члены четырех Государственных Дум, Исполком Советов, представители городских самоуправлений, земств, торгово-промышленных организаций, профсоюзов, коопераций. Цель этого совещания—создать общероссийский центр контр-революционной буржуазии и при этом «подделать общенародное мнение». Государственному совещанию предшествует (в Москве же) частное совещание общественных деятелей, на котором открыто блокируются промышленники и военные заговорщики. Частное совещание четко формулирует программу контр-революции. «В стране нет власти»,—говорит оно и мечтает о центральной власти «единой и сильной», о восстановлении в войсках дисциплины и полной власти командного состава, об отмене в армии выборных организаций, об уничтожении комиссаров. Переворота ждут в дни Государственного совещания.

Но пролетариат заставляет контр-революционную буржуазию временно воздержаться от решительного шага. Московские рабочие встречают открытие Государственного совещания однодневной всеобщей забастовкой, проведенной, вопреки решению меньшевистско-эсеровского Московского Совета.

Но вскоре же после окончания совещания контр-революция выступает с оружием в руках. 21 августа на фронте была отдана немцам Рига. Ее падение Корнилов использовал в целях агитации против Временного Правительства. Он считал, что пора начинать. Планы корниловцев были разработаны достаточно подробно. Сторонники Корнилова должны были инсценировать в Петрограде выступление большевиков, Корнилову же со своими войсками надлежало появиться в столице якобы для подавления выступления и покончить с Временным Правительством и Советом. Намеченное на 27 августа петроградское выступление контр-революции не состоялось. В этот день Керенским, роль которого в корниловской истории была достаточно двусмысленной (о предстоящем выступлении он знал, но не хотел заключать союза с Корниловым из-за боязни оказаться самому за бортом власти), было приказано Корнилову сдать должность верховного главнокомандующего. Отказавшись подчиниться этому приказу, Корнилов выступил открыто против Временного Правительства и двинул на Петроград подготовленную им для этого конницу.

В этот момент,—который для широких масс наступил совершенно неожиданно,—дружно поднялся против Корнилова пролетариат. Железнодорожники задерживали корниловские эшелоны, рабочие разбирали железнодорожные пути, солдатская масса в тылу готова была двинуться против Корнилова. Получалось впечатление, как-будто в защиту Временного Правительства выступает без различия вся рабочая и солдатская масса. Сущность этого хорошо выяснил Ленин, когда заметил: «Мы воюем с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость». Выступление рабочих и солдат в защиту Временного Правительства против Корнилова было не свидетельством солидарности с правительством, а борьбой с попыткой открытого контр-революционного наступления на революцию.

Движение конного корпуса на Петроград было остановлено, Корнилов и ближайшие его сторонники— арестованы. Попытка устновить военную диктатуру в стране потерпела полную неудачу. Вместе с крахом корниловщины развеялись надежды контр-революционной буржуазии на возможность близкого переворота. Один из переломных моментов в развитии революции был пережит.

VI. Буржуазное господство склоняется к закату.

Результаты корниловского выступления оказались весьма значительными. Отзвуки его скоро дали о себе знать. Широким массам корниловщина выяснила полную ничтожность Временного Правительства, которое само едва не стало добычей военных авантюристов, поддержанных крупной промышленной, торговой и земледельческой буржуазией. Правительство, не пользующееся поддержкой трудящихся, одновременно потеряло свой авторитет и в глазах буржуазии.

Предательская роль, которую играли в дни корниловщины представители правых социалистических партий во главе с Керенским, будничная жалкая роль их в рядах коалиции, была теперь ясна. Ход событий окончательно разоблачил мелкобуржуазные соглашательские партии и тем самым оторвал от них массы. К большевикам начинают отходить теперь даже те, кто до сих пор еще питал какие-либо иллюзии в отношении меньшевиков и эсеров. Резко наметился этот поворот в рабочей среде. В рабочих организациях — фабрично-заводских комитетах, профессиональных союзах — рабочие начинают итти за большевиками. Особенно показательны осенние выборы в районные думы в Петрограде и Москве. На этих выборах большевики собирают громадное число голосов, отвоевывая для себя симпатии городского населения, уделявшиеся до этих пор социалистам-революционерам.

Разрыв с правительственными партиями соглашателей наметился и в крестьянстве. Разочаровавшись в своих надеждах что-либо получить от правительства, крестьянство само выступает на защиту своих интересов. Аграрное движение в стране разрастается по сравнению с летним временем. Большевистская агитация находит в деревне благоприятную почву.

Корниловщина в особенности дает знать о себе в армии, где, после выступления Корнилова, солдаты видят в офицерстве только представителей враждебного класса. Теперь и армия начинает отрываться от завладевших ею одно время эсеров и в огромной своей массе идет за большевиками. В прежние меньшевистско-эсеровские ротные и полковые комитеты солдаты посылают теперь большевиков и большевистски настроенные элементы. Большевистское влияние в армии растет изо дня в день.

Поворот к большевикам в рядах армии, крестьянства и рабочего класса не остается без влияния на осенние перевыборы Советов. Они дают увеличение числа депутатов-большевиков. Эта большевизация Советов характерна даже для провинции.

Выступление контр-революции, наконец, ускоряет процесс вооружения пролетариата. На фабриках и заводах возникают организации Красной гвардии, добывается оружие — пролетариат, наученный опытом революции, стремится организовать вооруженную силу класса для отпора контр-революции и возможного наступления на буржуазию.

В изменившейся политической обстановке коалиционная власть не чувствует под собою никакой опоры Напрасно Временное Правительство 1 сентября об'являет Россию республикой, на массы впечатления это уже не производит. Напрасно в октябре оно создает пред-парламент («Совет Республики»), — жалкое совещательное учреждение, где меньшевики, эсеры, всякого рода мелко-буржуазные кооператоры по привычке про-

должают еще жонглировать революционными фразами, в политической слепоте вовсе не замечая того, что их не слушают ни справа, ни слева. Движение идет через их головы [1]). Временное Правительство идет на поводу контр-революции. Его откровенно презирают правые буржуазные круги, в нем видят власть враждебного класса широкие массы.

Создавшееся положение заключает в себе все предпосылки для выступления на борьбу за власть. «Кризис назрел, — пишет Ленин в конце сентября.., — кризис, достигший невиданной силы, подход революционной силы к последней черте... Кризис назрел, все будущее русской революции поставлено на карту — все будущее международной революции поставлено на карту»... В сентябре же он выдвигает вопрос о восстании. В письме Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам партии он пишет: «Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки... Большинство народа за нас». Почему именно теперь? — спрашивает дальше Ленин. И отвечает — предстоящая «отдача Питера», к которой в то время готовилась буржуазия, сделает шансы большевиков во сто раз худшими. В начале октября Ленин опять ставит вопрос о восстании — в письме Петроградскому и Московскому комитетам партии, утверждая, что «медлить — преступление». На заседании Центрального Комитета партии 10 октября Ленин доказывает, что «политически дело совершенно созрело для перехода власти». Комитет с ним соглашается. На очередь выдвигается вопрос уже о технической подготовке восстания. Партия готовится. В Петрограде создается военно-революционный комитет.

---

1) Большевики вышли из „Совета Республики“, огласив в заседании его 7 октября свою декларацию об уходе.

Готовится со своей стороны и Керенский. Он стягивает к Петрограду надежные воинские части, выводит те, которые кажутся Временному Правительству разложившимся под влиянием большевистской пропаганды.

25 октября (7 ноября) пролетариат выступает на борьбу за власть. В этот день Красная гвардия, солдаты и моряки врываются в Зимний дворец. Коалиционное правительство — в плену у восставших. Для членов его отворяются двери камер Петропавловской крепости. Скрывшийся из города Керенский пытается повести на Петроград некоторые войска, но в коротком бою эта попытка ликвидирована, и еще недавний руководитель судеб страны в случайном автомобиле мгновенно исчезает — и навсегда — из политической жизни России.

В Петрограде пролетарская революция быстро одерживает победу. В Москве сторонники Временного Правительства оказывают упорное сопротивление перевороту, но все же и здесь должны сложить оружие. Победоносный вал Октябрьской революции прокатывается по стране. Советская власть торжествует. Буржуазия, диктатуре которой положен конец, начинает собирать силы для гражданской войны.

Закончен период «керенщины», период кратковременного господства российской буржуазии, период, к которому она рвалась, о котором мечтала много лет. За девять месяцев изжито это господство, пройден путь, на который в иных условиях потребовались бы годы.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I. Библиографические указатели.

А. А. Шилов. Что читать по истории революционного движения? Указатель важнейших книг, брошюр и журнальных статей. ГИЗ. П. 1922. 23 стр.

М. Добраницкий. Систематический указатель литературы по истории русской революции. ГИЗ. М.—Л. 1926. 152 стр.

II. Подготовка Февральской революции.

М. Покровский. Очерк по истории революционного движения в России XIX и XX в.в. Лекции. Изд. „Кр. Новь“. М. 1924. 223 стр.

Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.—Февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. ГИЗ. М.—Л. 1926. VIII+414 стр.

М. Г. Флеер. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Изд. „Прибой“. Л. 1926. 122 стр.

Ив. Меницкий. Революционное движение военных годов—1914—1917. Изд. Комм. Акад. Том I. Первый год войны. М. 1924. VIII + 444 + IV стр. Том II. Конец 1915 года. М. 1925. 315 + III. стр.

Рабочее движение в годы войны. Подготовил к печати М. Г. Флеер. Материалы по истории рабочего движения в России, под ред. А. Лозовского. Центрархив. Изд. „Вопросы Труда“. 1925. 364 стр.

Революция и РКП (б) в материалах и документах (Хрестоматия). Том VII. Эпоха империалистической войны (июль 1914—февраль 1917 г.г.). Истпарт. ГИЗ. М. 1924. VII + 350 стр.

Памятники агитационной литературы Р. С.-Д. Р. П. Том VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. ГИЗ. 1923. XXIV + 346 стр.

Семенников. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии). По новым документам. ГИЗ. 1926.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезв. следств. комис. Врем. Прав. Ред. П. Е. Щеголева. Томы I—VI. ГИЗ. Л. 1924—26.

А. Блок. Последние дни императорской власти. Изд-во „Алконост“. П. 1921. 108 стр.

А. Шляпников. Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1916 г.г. Часть I Изд. 2-е. ГИЗ. 1923. 300 стр.; часть II. Изд. 3-е. ГИЗ. 1923. 180 стр.

Его же. Семнадцатый год. Книга I. Январь, февраль и 3 дня марта. ГИЗ. 1923. 348 стр.

Мих. Лемке. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915—2 июля 1916). ГИЗ. П. 1920. 859 стр.

М. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. Пер. с франц. Пред. М. Павловича. Изд. „Петроград“ П. 1923.

Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Пер. с англ. С Алексеева и Д. Рубена. Со статьей Керенского—„Временное Правительство и царская семья“. ГИЗ. 311 стр.

III. Февральская революция.

1. Хроники революции:

В. Максаков и Н. Нелидов. Хроника революции. Вып. I. 1917 год. Истпарт. ГИЗ. М.—П. 1923. 143 стр.

Революция 1917 года. Хроника событий. Истпарт. ГИЗ. М.-Л. 1923—1926. Том I. Январь—апрель. Сост. **Н. Авдеев.** ГИЗ. 214 стр. Том II. Апрель—май. Сост. **Н. Авдеев.** 307 стр. Том III. Июнь—июль. Сост. **В. Владимирова.** 40) стр. Том IV. Август—сентябрь. Сост. **В. Владимирова.** 422 стр. Том V. Октябрь. Сост. **К. Рябинский.** 308 стр.

2. Общие очерки:

Н. Бухарин. От крушения царизма до падения буржуазии. Изд. „Пролетарий".

К. Новицкий (Петровин). От самодержавия к диктатуре пролетариата (1917 февраль—октябрь 1919). Краткий очерк развития великой русской революции. 2-е изд. ГИЗ. М.

С. Пионтковский. Февральская революция. ГИЗ.

Его же. Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Поп.-историч. очерк. Истпарт. ГИЗ. М. 1926.

Е. П. Кривошеина. Февральская революция. Изд. „Моск. Рабочий". М.—Л. 1926. 45 стр.

Л. Троцкий. Собрание сочинений. Том III. 1917 год. Часть I. От февраля до октября. ГИЗ. 1924. 466 стр.

[Н. Бухарин]. Как не нужно писать историю Октября. По поводу книги Л. Троцкого „1917 год". ГИЗ. М. 1924. 16 стр.

За ленинизм. Сборник статей. С прилож. статьи Л. Троцкого „Уроки Октября". ГИЗ. М.—Л. 1925. 488 стр.

3. Хрестоматии:

С. Пионтковский. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. 3-е изд. ГИЗ. М. 254 стр.

М. Г. Флеер. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. Ленинградский истпарт. Изд. „Прибой". Л. 1925.

4. Документы и материалы:

Петроградская общегород. и Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. (б) в апреле 1917 года. Протоколы заседаний. Истпарт. ГИЗ. М.—Л. 1925. 175 стр.

Протоколы VI С'езда Р. С.-Д. Р. П. 1917 г. Изд. „Ком.м". 1919.

Петроградский Совет Р. и С. Д. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К. Центрархив. ГИЗ 19 5.

Разложение армии в 1917 году. Подгот. к печати Н. Какуриным. С предисл. Я. Яковлева. Центрархив. ГИЗ. М.—Л. 1925.

5. Статьи и речи:

В. И. Ленин. Собрание сочинений. Том XIV. Часть I. ГИЗ. М. (1924). 324 стр. Часть II. ГИЗ. М. (1925). 536 стр.

Г. Зиновьев. Год революции. Февр. 1917 года—Март 1918 г. ГИЗ.
И. Сталин. На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март—октябрь 1917 года. Изд. 2-е. ГИЗ. 1926. 2 0 стр.
Н. Бухарин. На подступах к Октябрю. Статьи и речи. Май—декабрь 1917 года. ГИЗ. 1026 188 стр.
М. Ольминский. 1917 г. Изд. Ком. У-та им. Свердлова. М. 1926.
Каменев и Зиновьев в 1917 г. Изд. „Моск. Раб.“. М. 1926.

6. Воспоминания:

А. Шляпников. Семнадцатый год. ГИЗ. Книга I и II.
Ф. Раскольников. Кронштадт и Питер в 1917 г. Истпарт. ГИЗ. 1925.
П. Е. Дыбенко. Мятежники. Изд. „Кр. Новь“. 1923. 117 стр.
Я. Кальницкий. От февраля к октябрю ГИЗ. 1925.
В. Кнорин. 1917 год в Белоруссии и на Зап. фронте ГИЗ. 1925.
Т. Драудин. Рижский фронт в декабре 1917 г. М. 1922. 63 стр.
В. П. Антонов-Саратовский. Под стягом пролетарской борьбы. Восп. о работе в Саратове от 1915 до 1918 г. Истп. ГИЗ. 310 стр.
Е. Бош. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. Истпарт. ГИЗ. 1925.
М. Рафес. Два года революции на Украине (Эволюция и раскол „Бунда“). ГИЗ. 168 стр.
Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов. 1917. Под ред. П. Куделли. Ленинградский Истпарт. ГИЗ. Л. 1924. 170 стр.
Дж. Рид. Десять дней, которые потрясли мир. Пер. Данцигер. Изд. „Раб. Газеты“. М. 1924. 293 стр.
А. Р. Вильямс. Народные массы в рус. революции ГИЗ. 1925.
С. А. Алексеев. Февральская революция. Мемуары. ГИЗ. 1925.
В. Шульгин. Дни. Изд. „Прибой“. 1925.
Г. Перетц. В цитадели русской революции. П. 1917.
Н. Суханов (Гиммер). Записки о револ. Изд. Гржебина. П. 1917
В. Станкевич. Воспоминания. 1914—1917 г.г. Изд. „Прибой“.
П. Краснов. На внутреннем фронте. Изд. „Прибой“. Л. 1925.
С. А. Алексеев. Октябрьская революция. ГИЗ. 1926. 432 стр.
Октябрьские дни в Москве и районах. Изд. „Моск. Раб.“. М. 1923.
Москва в Октябре 1917 года. Сборн. заметок, воспоминаний. Ред. Н. Овсянникова. Изд. Отд. Печ. М.С.Р. и К.Д. М. 1919.
Октябрьское восстание в Москве. М. 1922. 269 стр.
Октябрь на Пресне. М. 1922. 102 стр.
Октябрьские дни в Сокольниках. М. 1923. 120 стр.
Хамовники в Октябре 1917 года. М. 1922. 21 стр.

7. Отдельные моменты революции:

В. Владимирова. Контр-революция в 1917 г. (Корниловщина). Изд. „Кр. Новь“. М. 1924. 224 стр.
Е. Игнатов. Московский Совет Рабочих Депутатов в 1917 г. Изд. Ком. Акад. 1925 г.

